

Н. И. КОНРАД

ОБ ИЗУЧЕНИИ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В НАШИХ ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Если присмотреться к тому, как мы готовили востоковедные кадры в последние два-три десятилетия, то сразу же бросится в глаза один несомненный факт: мы добились того, что из наших вузов стали выходить люди, хорошо знающие изучаемый ими восточный язык, достаточно удовлетворительно владеющие им практически. В связи с обязанностями председателя Государственной экзаменационной комиссии в Московском институте востоковедения я имел возможность в течение ряда лет наблюдать, с каким знанием языка выходили студенты, оканчивающие этот институт. Мне всегда приходилось с большим удовлетворением устанавливать, что на экзамене подавляющее большинство оканчивающих достаточно свободно говорили на изучаемом языке, с легкостью выполняли обязанности переводчиков с восточного языка на русский и обратно, без особых затруднений пересказывали на восточном языке содержание только что прочитанной статьи из русского журнала или газеты, умели излагать по-русски содержание тут же просмотренной заметки из журнала или газеты на изучаемом ими восточном языке. Короче говоря, они оказывались владеющими восточным языком в той степени, которая давала им возможность приступить к любой практической работе, связанной с этим языком, а при условии более или менее длительной языковой практики в стране изучаемого языка — и возможность вполне овладеть этим языком. При этом такая хорошая практическая подготовка по языку обычно соединялась с хорошим знанием изучаемой страны — ее политического строя, экономических условий, ее новейшей истории, а такое знание создавало наилучшую основу для настоящего понимания языка, для сознательного и умелого владения им.

Испытываемое мной в этих случаях удовлетворение было тем более полным, что мне по собственному опыту было хорошо известно, с чем в этом отношении выходили студенты-востоковеды в досоветские времена. Главным очагом подготовки востоковедов был в то время факультет восточных языков Петербургского университета. Я сам вышел из этого факультета и могу сказать, что все мы, оканчивавшие его, приобретали практическое знание изучаемых языков только в самой стране во время практиковавшихся тогда летних каникулярных учебных факультетских командировок, главным же образом — по окончании курса в результате достаточно длительного пребывания в стране, кому это выпадало на долю — либо в связи со служебной работой, либо по ходу подготовки к научной деятельности. Иначе говоря, практическое знание языка доставалось собственными усилиями, факультет же этих практических знаний не давал и не стремился давать. Правда, существовали

так называемые лекторские занятия, т. е. занятия разговорным языком с «лекторами», как тогда именовались в университетской иерархической системе не имевшие научной квалификации преподаватели разговорного языка, обучавшие студентов родному для себя языку, но эти занятия, кстати говоря, весьма ограниченные по числу часов, всегда находились где-то на задворках учебного плана и никто — ни факультет, ни студенты не придавали им серьезного значения. И сами «лекторы» бывали искренне изумлены, если среди явившихся к ним в аудиторию оказывался какой-нибудь чужак, действительно желавший научиться у них говорить на их языке. Поэтому тот факт, что требование практического знания языка давно стало у нас обычным и обязательным элементом учебной подготовки студентов-востоковедов, должен считаться одним из важных достижений нашего вузовского востоковедения именно в советское время.

Другим, столь же важным, достижением нашей вузовской подготовки по этой линии является указанное выше обязательное соединение знания современного языка данной страны Востока с хорошим знанием самой этой страны — в ее современном состоянии. По собственному языковому опыту, по опыту преподавателя могу сказать, что такое знание обеспечивает должное направление в приобретении лексического запаса, в усвоении фразеологических оборотов, в выборе выражений, обуславливает обдуманное и уверенное пользование данным языком. Необходимо эти достижения нашей вузовской подготовки неукоснительно сохранять и всемерно их развивать.

Следует добавить, что практическое знание языка необходимо не только для служебной деятельности; оно необходимо и для тех, кто в дальнейшем становится научно-исследовательским работником. Трудно сейчас себе представить, например, арабиста, занимающегося исследованиями в области новозарабского языка и не могущего при этом обратиться к собственному живому знанию этого языка. Трудно себе представить китайста-лингвиста, с легкостью читающего тексты конфуцианских классиков и с трудом разбирающегося в работах Мао Цзэ-дуна. Собственный языковой опыт необходим, ибо бывают случаи, когда лишь он может выступить «высшим судьей» в определении того, что в языке возможно и что невозможно.

Как было уже сказано, это знание у нас в общем приобретается, и требуется только решительный поворот в сторону резкого увеличения числа и длительности учебных командировок в страны изучаемого языка: только таким путем можно укрепить и расширить, сделать подлинно живым знание языка, приобретаемое в учебном заведении; этим путем укрепляется и расширяется, делается подлинно живым и знание самой страны.

Но есть одна сторона востоковедной подготовки, которая в последнее время сильно отстает, — это подготовка филологическая.

Филологическая подготовка требует изучения языка не только в его современном состоянии, но и во всей его истории; она требует изучения не только того восточного языка, который выбран в качестве основной специальности, но наряду с ним и других восточных языков, так или иначе с ним связанных; она требует построения этого изучения на широкой исторической основе, на основе обстоятельного изучения истории народа, — носителя данного языка, истории его культуры.

Понятие изучения языка на основе его истории, в связи с историей самого народа, с историей его культуры, должно быть распространено на современное состояние языка. История присутствует и действует в языке в настоящий момент в такой же степени, в какой она действовала в нем

и пять тысяч лет назад, только это действие сейчас видно исследователю гораздо яснее, отчетливее и ярче, чем в давнопрошедшие времена. Считать филологией только изучение старых языковых памятников, как это было в прошлом нашего востоковедения, в наше время уже недопустимо. Надлежит раздвинуть рамки филологии и понять, что изучение любого современного, напечатанного в типографии языкового документа может быть такой же филологической работой, не менее «почтенной» и научно значительной. Современный язык, современный текст должен войти в орбиту филологической науки во всеоружии своих прав на научное филологическое исследование.

Научная основа, на которой должна строиться работа филолога, дана в сталинском учении о языке: в этом учении содержатся все важнейшие положения и для построения советской филологической науки.

Положение первое: изучая какой-либо языковой памятник прошлого или языковой документ настоящего, мы должны всегда помнить, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹. Только при этом следует избегать опаснейшей ошибки, о возможности которой предупредил И. В. Сталин: ошибки отождествления, смещения языка с культурой. «...Культура и язык, — говорят И. В. Сталин, — две разные вещи»².

Положение второе: изучая какой-либо языковой памятник, мы должны помнить, что язык связан со всей многогранной и разнообразной деятельностью человека, что он «...связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы от производства до базиса, от базиса до надстройки»³.

Умение видеть при изучении языкового памятника и именно при помощи этого языкового памятника всю разнообразную деятельность общества — необходимое условие для плодотворной филологической работы.

Положение третье: изучая какой-либо языковой памятник, мы должны помнить, что «люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения»⁴. Но в то же время не следует забывать и того, что на каком бы диалекте, на каком бы жаргоне этот памятник ни был написан, эти диалекты и жаргоны представляют лишь ответвления общего языка — языка народности на одном этапе, языка нации — на другом⁵. Выражаясь образно, нельзя допускать, чтобы мы из-за деревьев не видели леса.

Излишне говорить, что старая русская востоковедная филология не имела такой прочной научно-теоретической основы. Она руководствовалась достаточно неопределенным, расплывчатым в своем содержании культурно-историческим принципом. Во время господства «учения» Марра на месте культурно-исторического принципа стал водворяться якобы марксистский, на деле же — вульгарно-социологический принцип. Ныне мы получили возможность строить филологическое изучение языковых памятников на таких принципах, которые обеспечивают подлинную научность наших выводов.

¹ И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат, 1951, стр. 22.

² Там же, стр. 20.

³ Там же, стр. 11.

⁴ Там же, стр. 13.

⁵ См. там же, стр. 14.

Само собою разумеется, что построение филологического исследования на таком научном фундаменте требует теоретической разработки новых основ филологической науки и практического опыта самой работы, а это значит — и довольно длительного времени. Поэтому искать такую филологию в наших востоковедных учебных заведениях в настоящий момент преждевременно, тем более, что, как это было сказано выше, общее положение с филологией еще оставляет желать много лучшего: в одних востоковедных учебных заведениях ее вообще нет, в других ее позиции сильно ослаблены.

В самом деле, востоковедные филологические работы — научная публикация памятников языка различных народов и эпох, комментированные переводы и исследования этих памятников, как литературных, так и исторических, — составляющие славу нашего отечественного востоковедения, в период застоя советского языкознания стали, к сожалению, появляться значительно реже. Это значит, что востоковедная филология за эти же годы значительно отстала от общего роста советского востоковедения. Это значит, что перестал появляться тот тип востоковеда-филолога широкого профиля, которым по праву гордилось наше востоковедение в прошлом.

Сохранять такое положение и дальше недопустимо. Востоковедную филологическую науку надлежит снова поднять на новой научной основе; надлежит перестроить на этой основе и востоковедное филологическое образование. Это требуется нашей действительностью, нашим культурным строительством, это нужно нашей науке. Впрочем, эти два требования у нас невозможно обособить: интересы и запросы науки у нас неразрывно переплетаются с задачами жизни.

Не трудно привести несколько фактов, указывающих на необходимость развития у нас восточной филологии.

Те братские отношения, которые установились между всеми народами Советского Союза, вызывают огромное внимание каждого из этих народов к культуре всех других. На этой почве идет интенсивный процесс проникновения в культурную жизнь народов Советского Востока русской культуры, русской литературы, как классической, так и новой, советской. Не менее интенсивно идет и проникновение в культуру русского народа всего того ценного, что создается братскими народами Советского Востока. Лучшие произведения их литератур переводятся на русский язык, становятся близкими и нам, русским. Это относится не только к тому, что создается этими народами в настоящее время; наше внимание простирается и на культурное наследие этих народов, иногда — даже очень отдаленное. Нам становятся близки имена их великих поэтов прошлого, ряд которых заслуживает подлинно мировой славы. Достаточно лишь вспомнить, как дороги всем нам стали имена Руставели, Низами, Навои, как прочно вошло в нашу общую литературную сокровищницу и многое другое из драгоценного наследия прошлого народов Советского Востока. Но поднять это наследие можно лишь при помощи филологической науки. Вот поистине широчайшая арена для ее деятельности!

В самом деле. В связи с особенностями письменной фиксации и распространения литературного произведения на Востоке исследователь обычно имеет дело с рукописями, с различными списками, и первое, что требуется, это — установить самый текст. Огромная кропотливая и ответственной работа, требующая подлинного филологического мастерства! Но — это только первый шаг: далее идет работа по истолкованию памятника, по раскрытию его подлинного содержания, его исторического «лица», системы его идей, его художественной стороны. Тут нужен

исследователь, который был бы и языковедом, и литературоведом, и историком. Такой исследователь и называется филологом.

Нужны ли нам такие филологи? Нелепо задавать такой вопрос: мы все хорошо знаем, как велико литературное достоинство народов Советского Востока и как мало оно еще изучено. А дело ведь не ограничивается одной художественной литературой. Сколько еще предстоит поднять памятников истории, философии, науки! В 1952 г. все передовое человечество, и прежде всего народы Советского Союза, будут торжественно и благодарно отмечать память Ибн-Сины, или Авиценны, как привыкли называть его на Западе. В 1952 г. исполнится тысячелетие со дня его смерти. Неужели мы не обязаны к этой годовщине показать этого великого ученого среднеазиатского средневековья хотя бы в его важнейших творениях? И основную работу тут могут выполнить именно филологи-востоковеды.

Мне кажется, что приводить еще примеры нет надобности. Ясно, что филологи-востоковеды нам нужны, что их работа имеет под собой прочную почву, что она может получить такой размах, такое общественное значение, какого никогда еще не имела раньше. При этом повторяю: надо быть во всеоружии филологической науки не только для того, чтобы достойно представить у нас Навои, но и для того, чтобы по-настоящему показать и Джамбула: различие тут только в аспектах филологической работы, в ее приемах, но не в ее сути.

Дело, однако, не ограничивается лишь одним Советским Востоком. Народы Советского Союза с неменьшим вниманием и уважением относятся к культурному достоянию и прочих народов Востока. Возьмем, например, Китай.

Мы все наблюдаем сейчас, с каким вниманием, с каким интересом относятся у нас к китайской литературе, к произведениям современных китайских писателей. В последнее время появился целый поток переводов. И именно эти переводы лишний раз показали, как нужна филологическая наука и тут.

Нечего и говорить: есть произведения, переведенные у нас вполне удовлетворительно. Но больше таких, которые переведены далеко не удовлетворительно. Нельзя думать, что за перевод даже современного китайского романа можно браться, лишь зная кое-как современный китайский язык, что можно переводить, поминутно обращаясь к словарю. Необходимо уметь оценивать язык писателя в свете общего развития китайского языка новейшего времени; необходимо уметь видеть специфические языковые, стилистические приемы писателя на базе общего знания стилистики китайского языка; необходимо понимать «дух эпохи», отраженный в данном произведении, что дается только хорошим знанием жизни народа, его культуры, со всеми ее традициями и со всем тем новым, что в нее внесено современностью. Короче говоря, для того чтобы иметь право взяться за перевод, нужно иметь соответствующую филологическую подготовку. Но ее, как сказано выше, наше востоковедное образование дает очень слабо.

На этом общем фоне недостатка по-настоящему образованных китаистов-филологов у нас появляются «переводы с китайского», особенно — стихотворные, подписанные фамилиями людей, которые никогда никакого отношения не то что к китайской филологии, но вообще к китайскому языку, литературе и истории не имели. Механика подобных «переводов» нам известна: изготавливается некий суррогат перевода, именуемый «подстрочником», изготавливается при этом какими-то лицами, к которым можно отнести выражение, характеризующее в японских мифах японских богов: «они существуют, но их фигуры скрыты» — в данном случае, может быть, не от бухгалтеров издательства, но во всяком случае от про-

чих смертных. Этот переводческий суррогат или полуфабрикат поступает далее в отделочную мастерскую какого-нибудь литератора, поэта, который и превращает его в фабрикат. При этом случается, что и производитель подстрочника понимает в тексте немногим более того, что ему подсказывает словарь, что же касается «переводчика», то ему оригинал и вообще недоступен.

Бывают примеры, что таким способом «переводят» и памятники поэзии прошлого, т. е. то, что особенно требует специальной подготовки. Для того чтобы оценить такие факты по достоинству, представим себе на минуту такой случай: предположим, что кто-нибудь, с грехом пополам знающий современный итальянский язык и даже умеющий бегло читать современную итальянскую газету, берет «Божественную комедию» и изготавливает «подстрочник»; что затем появляется некий поэт, не имеющий ни малейшего представления об итальянском языке, знающий Италию только по газетным сведениям и, конечно, ясно не представляющий себе ни Данте, ни его эпохи, и этот поэт перекладывает подстрочник в стихи в меру своих сил и способностей и по своему вкусу. Разумеется, с Данте у нас этого произойти не может. Почему же это может произойти с Навои? Или с Ли Бо?

Конечно, надо быть благодарным тем подлинным культурным мастерам своего дела, которые дали нам переводы Навои хоть и через посредство подстрочников. Они заслуживают полного уважения за свой огромный и талантливый труд. Хорошо известно, что эти мастера прилагали все меры к тому, чтобы понять оригинал, его дух, понять самого автора. Но таких мастеров мало. И — главное — это не может считаться путем настоящего продвижения в нашу культуру сокровищ литератур народов Востока.

Нужны переводчики и комментаторы-филологи. И нужно их не мало. Ведь в сущности сокровищница культуры Востока для нас сейчас только по-настоящему приоткрывается. Когда же она откроется совсем, мы увидим, что она поистине неисчерпаема. Китайская литература в письменных памятниках насчитывает уже две с половиной тысячи лет непрерывного развития. А сколько тысячелетий существует литература народов Индии?

Нужны филологи-востоковеды, образованные, культурные, талантливые, с настоящим и чутким советским отношением к подлинно ценному в культуре народов Востока — и в области художественного творчества, и в области историографии, и в области науки. Нужно готовить таких филологов на той научной базе, о которой говорилось выше.

Как же практически организовать такое филологическое восточное образование?

Во-первых, оно должно быть организовано в общей системе филологического образования, очагом которого являются филологические факультеты наших университетов. Время специальных «восточных факультетов» прошло. Сейчас нет никаких научных оснований отделять востоковедную филологию от филологической науки вообще. При этом дело здесь не только в общности, в единстве основ самой науки, не только в единстве методологии, но и в самом материале исследования. Можем ли мы в наши дни, вообще в новейшую эпоху изучать историю литературы, например, Японии, без соответствующего и притом серьезного знания русской литературы? Разве возможно по-настоящему раскрыть многие явления турецкой литературы нового времени без привлечения материала французской литературы?

И такое положение наблюдается не только по отношению к новому и новейшему времени. Историческая наука все яснее и яснее обнаружива-

ет наличие глубоких связей между Востоком и Западом даже в те эпохи, когда народы Востока и Запада как будто бы жили совершенно обособленной жизнью. Например, стало известно, что связи Римской империи с древней Ханьской империей в Китае были значительнее, чем думали раньше; мы знаем о деятельном продвижении арабов и в Индию, и в островной мир Индийского океана, и даже в танский Китай; мы знаем, как упорно продвигались в Индию византийские купцы. А вся Средняя Азия была искони ареной самых разнообразных соприкосновений западного и восточного мира в лице различных народов Китая, Индии, Ближнего Востока, Кавказа, Восточной Европы, Северо-Восточной Африки. Повторяю, востоковедов-филологов сближает с филологами-западниками не только общность научных основ, общность методологии, но и соприкосновение самого материала исследования. Поэтому нам всем необходимо «сидеть за одним столом».

Во-вторых, в основу востоковедного филологического образования должно лечь серьезное изучение «классических» для народов Востока языков: санскрита — для новоиндийских языков, классического китайского литературного языка — для языка китайского, корейского, японского и аннамского, классического литературного арабского — для языков ново-арабских, тюркских, иранских и некоторых индийских. Изучение этих классических языков — не просто школа филологического исследования, не просто необходимый элемент изучения истории указанных других восточных языков. Мы хорошо знаем жизненную силу этих классических языков для современного состояния новых восточных языков. Достаточно лишь указать хотя бы на тот замечательный факт, что корневой состав этих классических языков дал возможность народам Востока в новое время создать у себя свою собственную научную и техническую терминологию, оказавшуюся необходимой этим народам в связи с усвоением ими основ передовой науки и образования. А эта терминология, все время расширяющая сферу своего обращения, привела в движение целые массы словарного состава этих языков. «Классические языки» для этих народов — не мертвый груз, а живой материал для языкового творчества. Поэтому на филологическом факультете во всем своем значении должны быть представлены кафедры «классических» языков: греческого, латинского, санскрита, классического арабского и классического китайского.

В-третьих, филологическое востоковедное образование должно быть построено на изучении по меньшей мере двух языков: языка, избираемого специальностью, и какого-либо другого восточного языка. Присоединение этого второго языка может обуславливаться разными причинами: структурной близостью к основному языку, большим значением в истории основного языка, важной ролью в культурных связях и т. д. Но, конечно, основной специальностью должен быть один язык.

В-четвертых, язык, который выбирается как специальность, должен изучаться во всей своей истории. Поэтому курсы истории данного языка и его исторической грамматики должны занять основное место в учебном плане.

В-пятых, должен со всей полнотой быть представлен современный язык, который служит предметом не только научного, но и практического усвоения. В этой области должна поддерживаться та высокая степень практического знания современного языка, которой наши востоковедные учебные заведения в целом достигли. В связи с этим изучение современного языка должно быть обставлено рядом и лекционных курсов и особенно практических занятий.

В-шестых, все изучение должно вестись на языковых памятниках

и языковых документах — как относящихся к прошлому, так и современных. Из этого вытекает необходимость самого широкого развития специальных семинариев, занятия в которых не только дают соответствующие знания, но и создают навыки подлинной научной-филологической исследовательской работы.

Филология, как известно, ближайшим образом соприкасается с языкознанием и литературоведением. Поэтому филологическая подготовка может дать не только филолога в точном смысле слова, но и филолога-лингвиста и филолога-литературоведа. Более того, при современной дифференциации знаний большей частью получается именно последнее. Языкознание и литературоведение в наше время — науки, вполне самостоятельные, имеющие свою специфику. И все же, мне кажется, что резко обособлять эти две области знания не следует. Нужно только создать полную возможность для студента стать, если он захочет, лингвистом или литературоведом. Поэтому структура филологического факультета мне представляется такой: факультет делится на отделения — по области филологии, т. е. имеет, например, отделение славянской филологии, отделения романской, германской, угро-финской, арабской, иранской, тюркской, китайской, японской, индийской филологий; отделение состоит, как правило, из двух кафедр: кафедры языка и кафедры литературы. Единство отделения при наличии некоторых общих курсов должно поддерживать ту степень единства научных знаний, которая возможна и необходима; наличие же отдельных кафедр внутри отделения и развитие специальных курсов и семинаров по каждой кафедре обеспечат возможность специализации.

Разумеется, на некоторых отделениях возможны не одна языковая или литературоведческая кафедра, а две и даже больше. Это необходимо, например, на отделении славянской филологии, где нужна специальная кафедра русского языка и специальная кафедра истории русской литературы и возможны кафедры других славянских языков и литератур.

С другой стороны, возможно, что на некоторых отделениях провести деление на две кафедры по тем или иным причинам трудно. Это особенно относится к некоторым отделениям восточной филологии. В таких случаях придется на время удовлетвориться одной общей кафедрой — языка и литературы.

Что же будет объединять языковедов и литературоведов в составе отделения такой-то филологии? Наличие трех общих курсов: истории народа, истории языка и истории литературы. Эти курсы равно необходимы и для лингвистов и для литературоведов.

Что будет объединять в составе факультета все отделения? Наличие четырех общих для всех отделений курсов: философии, общего языкознания, теории литературы и всемирной истории. При надлежащем развитии дела эти четыре области знания могут быть даже представлены особыми самостоятельными кафедрами, подчиненными непосредственно факультету.

На такой почве и могут, как мне кажется, с новой силой и в новом значении пойти вперед и востоковедная филологическая наука и востоковедное филологическое образование.
